
Анна Безбородова

ДОСТОЕВСКИЙ И ЛЕОНТЬЕВ: АНТИПОДЫ ИЛИ СОЮЗНИКИ?

Споры вокруг имен Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева ведутся давно. Это, конечно же, неслучайно. Деятельность обоих писателей пришлась на одно время, на ту эпоху русской истории, когда в государстве, внешне достаточно крепком и мощном, началось брожение, когда общество, созидавшееся веками, начало свое движение к мощнейшему кризису. Именно в эту предгрозовую пору и Достоевский, и Леонтьев с удивительной пророческой чуткостью угадывали будущие страшные перемены, всей душой переживая за свою страну. Темы, вокруг которых так или иначе вращается творчество Достоевского и Леонтьева, вполне закономерны: настоящее и будущее России, возможные пути развития страны, наши беды и наше величие, судьбы всего мира, цель и сущность жизни вообще.

Уже современникам взгляды обоих мыслителей казались весьма необычными и спорными, теперь же их идеи предстают одновременно схожими и противоположными. Всем известны леонтьевские упреки Достоевскому в «розовом христианстве» и хилиазме и слова последнего о безрассудстве идей Леонтьева, его «некотором еретизме». Вынесенный на суд общественности спор оказался разрешенным в пользу Достоевского не только современниками, но и большинством потомков. Интересно, что это касается не одного лишь знаменитого вопроса о «любви и гармонии», но характерно для восприятия личности Леонтьева в целом. Не уступавший по яркости таланта своим именитым современникам — Л. Толстому, Вл. Соловьеву, тому же Достоевскому — Леонтьев-публицист еще

при жизни оказался в некоей изоляции, не признанный ни своими — в какой-то степени соратниками-консерваторами, ни тем более страстно отвергаемыми им либералами. Однако стоит отметить, что вопрос о «любви и гармонии» был единственным, по которому Леонтьев и Достоевский разошлись радикально. Их творчество развивалось на близких путях: они интересовались практически одними и теми же проблемами, пользовались газетными фактами как реальными источниками. Оба настаивали на преемственной связи между социалистами-нигилистами 1860–1870-х и либералами-идеалистами 1840-х годов, видя в этом трагедию современного общества. У каждого из них публицистика переросла в широкую философию истории, которая воспринималась ими под эсхатологически-апокалипсическим знаком. Восточный вопрос, современное состояние общества, «цивилизация» и «либерализм», «сближение с народом», общественное благо — все эти проблемы волновали их в одинаковой степени, направление их мысли было сходным. Для обоих единственный путь спасения русского государства состоял в обращении к православию, к исконным традициям, оба они не желали поклоняться новой западной цивилизации и европейской «культуре», проповедующей принципы «свободы, равенства и братства». Но если все творчество Достоевского было на виду, вызвало живой отклик современников, то публицистика Леонтьева долгое время оставалась в тени, не привлекая к себе внимания широкого круга читателей. Настолько яркой и необычной была мировоззренческая позиция Леонтьева, настолько вызывающи социально-политические суждения, столь непохожие на привычные умеренные высказывания либералов, что люди «обычно либо удивленно пожимали плечами, либо брезгливо отворачивались от “публично практикуемого разврата мысли” (выражение Н.К. Михайловского)»¹. Поэтому, вероятно, так мало прижизненных откликов на творчество Леонтьева. Насколько Достоевского чтит и уважали, особенно после знаменитой речи на Пушкинском празднике, настолько же Леонтьева замалчивали, даже не пытаясь дать серьезную оценку его работам, ограничиваясь в основном лишь ироническими откликами и поверхностными замечаниями. Появившийся сразу после смерти мыслителя (1891) некоторый интерес к его творчеству развился с особой силой только в начале XX века. Серьезные попытки анализа наследия Леонтьева были предприняты Вл.С. Соловьевым, В.В. Розановым, Л.А. Тихомировым,

Н.А. Бердяевым, Б.А. Грифцовым, С.Н. Булгаковым, И.И. Фуделем, С.Н. Трубецким, С.Л. Франком, свящ. К. Аггеевым. В целом они достаточно высоко оценили творчество мыслителя, указав на его «духовное одиночество» (Бердяев), заговорив о нем как о «неузнанном феномене», связав его идеи с философией Ницше (Розанов).

В последнее десятилетие ученые вновь обратились к творчеству К. Леонтьева. Опубликовано немало работ, затрагивающих проблемы, связанные в равной мере с именами Леонтьева и Достоевского. Наиболее интересные из них — работы С.Г. Бочарова, Н.Ф. Будановой, В.А. Котельникова, Н.В. Пращерук, Н.А. Рабкиной, О.Л. Фетисенко. Обобщающим можно назвать труд С.Г. Бочарова, попытавшегося проследить весь путь идейных взаимоотношений двух мыслителей². На интересную тему указывает Н.А. Рабкина³: Леонтьев как возможный прототип героев Достоевского. Кроме известных споров о «розовом» христианстве, встает перед нами, конечно же, и глобальная мировоззренческая проблема: существовала между Достоевским и Леонтьевым тотальная разобщенность или они были неосознанно близки друг другу, стремились к абсолютно противоположным идеалам или разными путями шли к одной цели. Особый интерес представляет дальнейшее соотношение мыслей, высказанных в публицистических работах, с художественным воплощением тех же идей в романах Достоевского, где прямо или косвенно оказываются выраженными взгляды Леонтьева.

Говоря о несогласии Леонтьева и Достоевского, исследователи опирались на их идейные расхождения, пытались уяснить взгляды писателей на сущность христианства. Своеобразным поводом для подобного разговора стала Пушкинская речь, где Достоевский открыто высказал свои любимые мысли.

«Пушкинская речь»

Статья Леонтьева «О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике» явила собой непосредственный отклик на конкретное выступление Достоевского. Однако поскольку Достоевский высказал здесь свои любимые идеи, те, которые он и прежде выражал в романах, то и статья Леонтьева содержала в себе не столько отклик на речь писателя, сколько некоторый анализ всего творчества Достоевского. Впоследствии «спор о любви и

гармонии» был воспринят именно в этом ключе. Пушкинская речь дала возможность с большей точностью указать на те идеи, которыми более всего дорожил Достоевский. Но прижизненных откликов на полемику Достоевского и Леонтьева практически не последовало. Лишь мыслители начала XX века живо отозвались на проблемы, поднятые их великими предшественниками.

Анализируя в целом статьи, написанные в начале XX века, можно выделить два подхода. Часть исследователей, подобно Н.А. Бердяеву, считает, что «Леонтьев пытался открыть в христианстве черты мрачного сатанизма» и поэтому «даже Достоевский казался “розовым” его черной душе!»⁴. По словам С.Н. Булгакова, в творчестве Леонтьева «грядущей гармонии, о которой говорится в Пушкинской речи Достоевского, надменно противопоставляется эстетическая гармония борьбы и страданий»⁵. Другая часть мыслителей подходит к этой проблеме более взвешенно. Признавая правоту слов Леонтьева о невозможности полного достижения любви на земле, они нередко указывают на некоторые, с их точки зрения, заблуждения в мировоззрении последнего. С.Н. Трубецкой, например, пишет: «...Православие Леонтьева было свободно от протестантских элементов, <...> воспитанное афонскими монахами, оно менее походило на “розовое христианство”, в котором Леонтьев справедливо упрекал некоторых наших “новых христиан”»⁶. Указывая на мечтательность «всечеловеческого универсализма Достоевского», Трубецкой признает, что Леонтьев, «может быть, не без основания мог бы упрекнуть и Достоевского за ту болезненную чувствительность, то истерическое самоуслаждение, которое иногда придает нездоровый характер его мистицизму», но при этом замечает, что «сам Леонтьев в противоположность “розовому” христианству проповедует какую-то побелевшую от ужаса, несомненно искаженную веру»⁷. Интересно замечание Трубецкого о том, что «личная религия Леонтьева отлична от его богословских рассуждений». О том же писал и свящ. К. Аггеев в своем исследовании, специально посвященном изучению богословских взглядов Леонтьева⁸. В статье Б.А. Грифцова «Судьба К.Н. Леонтьева» признается бесспорная логическая победа Леонтьева над Толстым и Достоевским, однако автор настаивает и на том, что «Леонтьев был близоруко-несправедлив к творчеству Достоевского, единственного человека, который смог бы ответить на его требование “потрясающей музыки чувств”»⁹. Суть ошибки, по мнению

Б.А. Грифцова, заключается в том, что Достоевского невозможно понимать через быт, как хотел того Леонтьев. Потому, вероятно, последний и «прошел мимо напряженной трагедии красоты» (С.Н. Булгаков). Схожие мысли высказывал и Б.П. Струве: «Леонтьев глубже всех русских светских писателей пережил и выразил христианство в его церковно-православном существе, истинном и единственно истинном для православных. <...> Суть христианства вообще <...> именно в том, что оно есть учение и путь личного спасения»¹⁰. Следом за этим идет другое суждение: «Достоевского Леонтьев недостаточно ценил. Метафизически-религиозно и политически Леонтьев был близок к Достоевскому, но Леонтьеву претила характерная для Достоевского примесь к христианству гуманизма и сентиментализма». Струве делает акцент на том, что Достоевский был именно художником: «Достоевский огромнее и могущественнее Леонтьева, ибо у первого было гениальное видение своеобразного художника-творца, <...>, но как ум Леонтьев был острее и глубже Достоевского»¹¹.

Интересным представляется мнение С.И. Фуделя, писавшего свою книгу о Достоевском уже в середине XX века. Говоря о Пушкинской речи, Фудель пишет: «С позиции церковного реализма эта сторона наследия Достоевского была, еще при его жизни, подвергнута строгой и совершенно справедливой критике К. Леонтьевым. Но, кажется, даже ошибки Достоевского более помогают иногда, чем идейная правоверность других»¹². Признавая близость некоторых идей Достоевского к учению хилиазма, Фудель указывает на глубокое сердечное переживание писателя, с болью смотревшего на равнодушное общество, желавшего возбудить у людей желание действовать. Это, по мнению исследователя, ставит Достоевского выше возможных догматических ошибок.

С.Г. Бочаров, видя в споре Достоевского и Леонтьева «противоречие двух свободных мыслителей», настаивает на разном понимании сущности «любви» и «гармонии» Леонтьевым и Достоевским, что разводит их мировоззренческие позиции тотально. По мнению Бочарова, «Леонтьев бил в точку», упрекая писателя в хилиазме, однако сам Леонтьев при этом не ведал того христианского понятия любви, на которую «весь мир можно купить». Особого внимания заслуживает статья О.Л. Фетисенко «К истории восприятия Пушкинской речи (Достоевский в неизданной переписке К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова)»¹³. Автор заостряет внимание на том, что в

сознании Леонтьева имя Достоевского неразрывно связывается с понятием социализма, что для него это не две разных темы, а одна единственная и наиважнейшая проблема — проблема возможности золотого века, Царствия Божия на земле.

Пушкинская речь Достоевского вызвала живой отклик как среди современников, так и у потомков. Проблемы, затронутые в ней, представляются весьма актуальными и поныне. Ясно, что в словах Достоевского скрывается не один только вопрос о возможности всеобщего единения людей. За этим стоит все мировоззрение писателя, все идеи, созревшие в сердце Достоевского и нашедшие свое воплощение в его романах. К. Леонтьев сразу почувствовал это и высказал собственную боль, заставив многих задуматься не только над своими словами, но и над словами Достоевского.

«Восточный вопрос»

Судьба православных славян и захваченного турками Константинополя волновала Достоевского, пожалуй, не меньше, чем насущные проблемы русской жизни. «Восточному вопросу» посвящено немало страниц в «Дневнике писателя», где Достоевский высказывает свои мысли о сути происходящего, пытается объяснить, почему для России так важно защищать славян, какое значение теперешние события могут иметь для судеб всего мира. Леонтьев, проживший много лет в Турции и Греции и посвятивший этой теме несколько работ еще до обострения конфликта, также пристально наблюдал за всем, что происходило на Востоке, считая этот вопрос необычайно важным для жизни русского государства. Во взглядах Достоевского и Леонтьева на значение происходящей борьбы, на роль русских в сложившейся ситуации, на дальнейшую судьбу Константинополя обнаруживается достаточно много общего. Проблема соотношения этих взглядов не привлекала к себе особо пристального внимания исследователей-филологов, так как затрагивает преимущественно историческую и историософскую проблематику. Однако данный круг вопросов напрямую связан с мировоззренческими позициями Леонтьева и Достоевского, здесь также находят отражение все «любимые» идеи как одного, так и другого. В рамках этой темы особо выделяется тема Константинополя. Отношение Достоевского и Леонтьева к этому вопросу — предмет рассмотрения статьи Л.С.

Козловского, напечатанной в журнале «Голос минувшего» в 1915 году¹⁴. «Восточный вопрос», столь волновавший русское общество в конце 70-х годов, стал для Достоевского и для Леонтьева проблемой не национально-политической, как для большинства, а религиозной, связанной с решением судеб православия на Востоке. Основываясь на статьях Достоевского, помещенных в «Дневнике писателя», и работе Леонтьева «Византизм и славянство», автор справедливо указывает, что ни первый, ни второй не примыкают к течению славянофилов, наоборот, идея равенства славянских народов совершенно чужда им, даже противоположна всем их взглядам. Освобождение Константинополя и присоединение его к России — вопрос для них не политический, а духовный, поскольку Царьград — центр православия, которое только и может поддержать Россию и спасти весь мир. Поход на Константинополь для Достоевского — это поход православия не против ислама, а против католичества. Говоря об излюбленной идее Достоевского о связи католичества и социализма, Козловский указывает, что для того, по мнению писателя, и должен воссиять православный крест на храме святой Софии, чтобы католичество, продавшее Христа за земное владение, породившее собой социализм, не увлекло бы снова за собой народы, показав им искаженный образ Христа, обещая превратить камни в хлебы. «Война с Турцией и завоевание Царьграда нужны для борьбы с социализмом — вот доведенная до конца мысль Достоевского»¹⁵. Борьба же с социализмом есть не что иное, как борьба с антихристианским революционным началом, толкающим мир в бездну. С реальным Константинополем у Достоевского соотносится свой Царьград, открытый в России, в скиту. Здесь же, в поучениях старца Зосимы, раскрывается суть «русского социализма», «в котором истинный дух Христа, противоположный западному»¹⁶. По мысли автора статьи, Константинополь постепенно становится для Достоевского не реальным городом на берегах Босфора, а неким символом истинного православия, противостоящего революции. Твердую форму неясной грезе Достоевского придает Леонтьев. Для него «восточный вопрос» превращается в единственно важный. От решения этой проблемы зависит буквально все. Но и Леонтьев, «обладающий холодным умом, наблюдательностью», питает «самую фантастическую и химерическую мечту перенести в реальный Константинополь на берега Босфора столицу русского государства и создать там центр восточной культуры для борьбы с ненавистной

ему демократической культурой Запада»¹⁷. В конце концов автор приходит к выводу, что «мысль Леонтьева возвращается по заколдованному кругу», так как получается, что, «с одной стороны, нужно победить в сердце и уме своем общеевропейскую эгалитарность для того, чтобы вступление в Царьград имело смысл и дало желанные результаты, а с другой — вступление в Царьград нужно для того, чтобы победить эту эгалитарно-либеральную болезнь, уже заразившую Россию»¹⁸.

Как пишет С.Г. Бочаров, Достоевский и Леонтьев, говоря об одних и тех же реалиях (Европа, Россия, Восток, почва, православие, народ, католичество, революция, социализм), как бы выстраивали, вглядываясь в будущее, дальнейшую историю всего мира. Мотив исторического конца постоянно прослеживается в их словах. Оба они рассматривали в своих публицистических работах сущность либерализма и социализма, понятие цивилизации, говорили о народе и его идеалах, о духовном состоянии русского общества, о судьбах всего мира. На ту же высоту всемирных координат поднимался до них лишь Ф.И. Тютчев. Закономерно, что главная тема у них одна: судьба России, ее духовное состояние, а вместе с тем и судьба всего мира, с которым Россия связана неразрывно.

Леонтьев как возможный прототип героев Достоевского

Впервые эта тема, в чем-то необычная и непривычная, была широко освещена в упомянутой статье Н.А. Рабкиной «Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории». Опираясь на некоторые свидетельства современников, автор приходит к выводу, что Достоевского необычайно привлекала личность Леонтьева, человека, несомненно, талантливого и по-своему одержимого. Писатель искал с ним встреч, делал о нем записи в своих тетрадях, следил за его творческой деятельностью, как бы списывая с него своих героев, видя в Леонтьеве некий прообраз «хищного типа», человека той же породы, что и Иван Карамазов, Смердяков, Великий инквизитор, Ставрогин, Версиков. Цель работы Н.А. Рабкиной — доказать, что знакомство Достоевского «с мировоззренческой и литературной эволюцией К.Н. Леонтьева не подлежит сомнению; внимание к его теориям, размышление над ними и страстное идейное противостояние им очевидны; факты личного общения можно считать

установленными»¹⁹. Основополагающими идеями Леонтьева автор считает презрение к людям, проповедь вседозволенности, мысль о сверхчеловеке и безгласной толпе, что в сочетании с «апологией власти, неравенством, презрением к народу, неверием в человечество, доведенными Леонтьевым до геркулесовых столпов, оказалось объектом страстной идеологической критики Ф.М. Достоевского»²⁰.

Идея о прототипической близости фигуры Леонтьева с героями Достоевского представляется весьма интересной и требующей особой разработки, однако вряд ли можно с уверенностью утверждать, что личность Леонтьева серьезно интересовала Достоевского, что он постоянно следил за его судьбой, за его мировоззренческой и литературной эволюцией. Скорее наоборот, сам Леонтьев неотрывно наблюдал за творчеством Достоевского, за его общественной деятельностью, болезненно переживая чужой успех. К такому выводу приходит С.Г. Бочаров, утверждая, что «нет, кажется, оснований думать, что в сознании Достоевского Леонтьев занимал значительное место, зато несомненно, что в сознании Леонтьева занимал Достоевский место значительнейшее и составлял болезненную проблему»²¹. Исследователь поддерживает мысль о прототипической связи Леонтьева с Версиловым, как художественным воплощением мировоззренческого типа атеиста-аморалиста. Леонтьев как бы сходится с теми героями, которых «съела идея», они корчатся под ее тяжестью и никак не могут вырваться на волю. Леонтьеву свойственна та же «широта», безбрежная многосторонность, что мешает вступить на единственно правильный путь Версилову, Ставрогину, Ивану Карамазову. Ценностное основание у таких людей оказывается расколотым: «Эстетическое освободилось от этического, и то и другое не зависит от религиозного, и от всего свободен упразднивший всевозможные предрассудки разум»²².

Однако стоит отметить, что связь Леонтьева и Достоевского заканчивается не этим. Леонтьев прошел русский путь, испытал тоску мировой широкой и ненасытной души, находящей себе разрешение лишь в Боге и почве. Таковы же и центральные герои Достоевского. И объединяет Леонтьева с ними именно эта мировая тоска широкой природы, а не абстрактные идеи сверхчеловека и вседозволенности. «Попадая в художественный материал Достоевского», «переплетаясь с версиловской проблематикой»²³, леонтьевская позиция меняется, как бы следуя за словами самого Достоевского. «Упразднивший всевозможные предрассудки разум» Леонтьева не хочет

«свободы от всего», он хочет добровольно подчинить себя учению Церкви, пусть не до конца понятому и принятому. «Смирись, гордый человек!» — призывает современников и потомков Достоевский, и Леонтьев всей душой хочет следовать этому призыву, хочет смирить свой ум перед правдой Церкви, перед правдой, сохранившейся в народе и забытой людьми, принадлежащими к образованному светскому обществу. Получается, что Леонтьев вместил в себя и те противоречия, которые изобразил Достоевский в терзающихся душах своих героев, и ту смелость, решимость, твердость души, без которых человеку очень трудно встать на путь покаяния. Как это ни парадоксально, Леонтьев, пытавшийся доказать ошибочность суждений Достоевского, оказался тем человеком, который невольно и неосознанно воплощал в жизни то, к чему призывал в своих романах Достоевский, страстно желавший донести до людей проповедь смирения и любви.

***Мировоззрение: тотальная разобщенность
или неосознанная близость?***

Творчество Достоевского и Леонтьева, как уже указывалось, связывают многие общие темы. Высказывая свое мнение по какой-либо проблеме, становясь на ту или иную позицию, они невольно вступали в открытый диалог. Неудивительно поэтому, что в дальнейшем при анализе взглядов мыслителей исследователи придерживались в основном двух точек зрения: Достоевский и Леонтьев либо полностью противопоставлялись друг другу как абсолютные антагонисты, либо, несмотря на некоторые разногласия, их общие мировоззренческие позиции сближались, и эти две фигуры рассматривались в русле одной традиции. В работах, где главным предметом изучения является вопрос о любви и гармонии, о возможности золотого века на земле, вперед нередко выдвигается мысль о противоположности Достоевского и Леонтьева. С точки зрения свящ. К. Аггеева, исходный пункт всей системы Леонтьева — разрыв между небом и землей — противоречит мыслям Достоевского о единении в человеке земного и небесного, о возможности принести в мир свет горнего Царства и установить на земле всеобщее братство. Суть их разногласий сводится к следующему: «Признание Бога — Богом любви и выводимое отсюда главное

и единственное начало земной жизни христианина — любовь к людям — вот та “ложь”, проповедниками которой явились, по словам Леонтьева, граф Толстой и Достоевский»²⁴. Весьма интересно мнение, высказанное в 1921 г. на заседании «Вольной философской академии» Р.В. Ивановым-Разумником: два убежденных «контрреволюционера» являются одновременно и в значительной степени антиподами друг друга, «реакционер» Достоевский — это тайный друг революции и социализма (в их идеальных потенциях, а не в реальном осуществлении), Леонтьев — явный и последовательный враг²⁵. Мыслители предстают в докладе как представители двух совершенно противоположных типов христианского исповедания. И не только в коренной идее о всемирной революции, во всем остальном Леонтьев, по мнению Иванова-Разумника, тоже совершенно расходится с Достоевским, который оказывается «ближайшим учителем и другом, и самым близким социализму человеком, несмотря на весь к нему враждебный пафос»²⁶. Иванов-Разумник считает неубедительным довод своих оппонентов, считающих, что лоно православной церкви было весьма существенно для обоих и различия в их взглядах не кардинальные, а лишь «в ударениях на некоторых моментах одной и той же мистической православной концепции, ударениях схематических, — на эстетической стороне в Леонтьеве и на морально-этической стороне у Достоевского»²⁷. Во главу угла Иванов-Разумник ставит свою мысль о том, что «Достоевский единственный понял, что социализм имеет в себе внутренний религиозный пафос в самом определенном смысле слова»²⁸, тогда как Леонтьев выступает ярким противником обновления и революции, оказывается диаметрально противоположным идее свободы, проповедуя «замораживание» и реакцию. Этот критерий оказывается самым главным, подчиняющим себе все остальное. Таким образом, отношение к свободе, к преобразению человека ставит Леонтьева и Достоевского, по мысли Иванова-Разумника, по разные стороны баррикад.

На полной противоположности позиций Леонтьева и Достоевского настаивает также С.Г. Бочаров: «Антагонизм философский и эстетический разводил их тотально, <...> так как гармония по-леонтьевски <...> как бы требовала присутствия в мире зла»²⁹, что было совершенно неприемлемо для Достоевского. Бочаров видит несомненную связь религиозной позиции позднего Достоевского с утопическим идеалом его молодости, считая отчасти справедли-

выми упреки Леонтьева. Сам Достоевский также, по замечанию исследователя, верно нащупал болезненное место Леонтьева, отметив «безрассудство» некоторых его идей. На все большие темы они думали по-разному. Леонтьев иначе расставлял акценты, ослабляя видение зла как зла, оправдывая тот Божий мир, который не принимал герой Достоевского. Леонтьев и Достоевский органически отталкивались друг от друга, однако это, по мысли Бочарова, гораздо глубже идеологического притяжения, которое тоже между ними было.

Говоря или о взаимном несогласии, или о сходстве позиций Леонтьева и Достоевского, следует учитывать еще одно возможное решение вопроса. По мнению некоторых исследователей, очень важно, что оба писателя мыслили в русле православной культуры и их разногласия на самом деле не так уж велики и не так важны, как это может показаться на первый взгляд. Их полемика отражает в себе давний спор иосифлян и заволжских старцев и еще раз указывает на возможность нескольких различных путей к единой цели. Достоевский оказывается здесь продолжателем линии преподобного Нила Сорского, а Леонтьев мыслит в традиции преподобного Иосифа Волоцкого. Их взаимное несогласие признается вполне закономерным: «Константину Леонтьеву была чужда традиция преподобного Нила Сорского. Он был убежденным “иосифлянином” позднейшей формации»³⁰. По мнению Н.В. Пращерук, известный спор Леонтьева и Достоевского в целом представляется неразрешимым³¹. В качестве одной из причин также называется преломление в этом споре давнего разногласия прп. Иосифа Волоцкого и прп. Нила Сорского. Другая причина представляется автору статьи не менее важной: неясно, в каких терминах адекватно описывать христианство Достоевского, как соотносить эстетический и религиозный опыт художника. Невозможно, по замечанию С.И. Фуделя, «требовать от романа какой-то богослужебной энциклопедии»³². Роман предполагает художественное осмысление действительности, когда определенные идеи находят свое воплощение в образах героев. В романах Достоевского нет сосредоточенности на догматической обрядовой стороне религиозной жизни, его внимание обращено в основном на внецерковную религиозность, но это совершенно не означает, как у Л. Толстого, сознательную оппозицию к православной церкви. Нельзя также с уверенностью утверждать, что с теми или иными мыслями, выраженными в произведении, полностью согласен автор.

В данном случае, правда, мы можем опираться не только на художественные произведения Достоевского, но и на «Дневник писателя», на публицистические работы, где писатель выражал свою позицию прямо. Читая статьи писателя, мы ясно понимаем, что Достоевский всей душой стремился «оцерковать» мир, показать ценность веры, рассказать о том сокровище, которое сохранено в народной среде и утеряно среди образованных людей. Леонтьев же шел на разрыв с системой секулярной культуры, больше обличая, чем просвещая своих современников. Многие исследователи говорят о том, что теоретические построения Леонтьева нередко были ошибочными, но сам он всегда оставался искренним христианином, верным сыном православной церкви: «В душе Леонтьева атеист-язычник жил совместно с искренним монахом православной церкви»³³. Любовь к православию — вот то, что объединяет двух мыслителей. Насколько это важно, насколько этот аспект позволяет говорить о единстве или противоположности позиций Леонтьева и Достоевского — во многом зависит от личных убеждений исследователей. Если придерживаться идеи о приверженности Достоевского православной церкви, то трудно согласиться с тем, что Достоевский, в отличие от Леонтьева, для которого «существование в “промежутке” истин непереносимо», обладает «сознанием открытого, диалогического типа, <...> сознанием, способным рассматривать идеи и истины “в отношении друг к другу”, растворять ощущение “промежутка” в органичном, небывалом синтезе»³⁴. Для самого писателя истина ясна, тогда как в романах, действительно, нередко «спрогнозирована “ситуация” человека XX столетия»³⁵, когда различные духовные ценностные системы оказываются одновременно значимыми. Для Достоевского совсем не равнозначны ценностные системы старца Зосимы и Смердякова, Алеши Карамазова и Ракитина, «существование в “промежутке” истин» непереносимо не только для Леонтьева, но вообще для любого человека. Каждый так или иначе делает свой выбор, стремится обрести некое равновесие в жизни, увериться в правильности собственного выбора. Достоевский и Леонтьев шли разными дорогами, но их пути нередко пересекались, и тогда они смотрели на проблемы современности как бы с одной позиции, пытаясь донести до соотечественников сходные мысли.

«И Достоевский, и Леонтьев с гениальной прозорливостью угадывали в падении христианской религиозности истоки той трагедии, которую предстоит пережить России. Этим продиктовано

их стремление защитить ценности христианства. Как пророки, как носители и чаятели новой культуры, раскрывшие всю глубину и значимость религиозной проблематики в судьбе человека и в судьбе нации, они не оппоненты, не противники в споре. Отсюда такое постоянство, с которым Леонтьев обращается именно к Достоевскому. Отсюда и переключка исповедуемых ими идей, очевидное сходство некоторых убеждений»³⁶. Существует, однако, и другая позиция: Леонтьев с Достоевским «разошлись не по недоразумению или <...> недопониманию. Они разошлись обоснованно и серьезно, и противоречие их было из тех, какими движется умственная жизнь. И оценивать нам его сегодня не в чью-то пользу. Это был не мирный унисон, из какого никогда в истории мысли путного не было, а в конце концов, сегодня с нашей дистанции, та самая поэтическая борьба, какую так любил Леонтьев»³⁷.

Между именами Достоевского и Леонтьева есть еще одна связующая нить — Оптина пустынь. В жизни обоих этот монастырь сыграл весьма важную роль, во многом направив развитие их мысли. Достоевский был здесь всего один раз, Леонтьев постоянно жил там в последние годы своего земного пути. Оба они относились к монастырю с большой любовью, весьма почитали подвизавшихся там старцев, считая их труды очень важными для жизни всего общества. В романе «Братья Карамазовы» Достоевский стремился опереться на оптинскую традицию, Леонтьеву показалось сомнительным, что писатель справился с этой задачей. Причины расхождения необходимо рассматривать отдельно, однако этот вопрос входит в целом в более широкий круг проблем, посвященных осмыслению писателями христианства.

Примечания

¹ Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века. К.Н. Леонтьев. — М., 2000. — С. 12.

² Бочаров С.Г. Леонтьев и Достоевский // Сюжеты русской литературы. — М., 1999. — С. 341–397.

³ Рабкина Н.А. Антигерой Достоевского и штрихи реальной истории // Известия АН. Серия литературы и языка. — 1984. — Т. 43, № 4. — С. 323.

⁴ Бердяев Н.А. К. Леонтьев — философ реакционной романтики // К.Н. Леонтьев: Pro et contra. — СПб., 1995. — Кн. 1. — С. 209, 222.

⁵ Булгаков С.Н. Победитель — побежденный // Там же. — С. 388.

⁶ Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // К.Н. Леонтьев. Pro et contra. — Кн. 1. — С. 125.

⁷ Там же. — С. 154–155.

⁸ **Аггеев К.** Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. — Киев, 1909.

⁹ **Грифцов Б.А.** Судьба К.Н. Леонтьева // К.Н. Леонтьев. Pro et contra. — Кн. 1. — С. 328.

¹⁰ **Струве Б.П.** К. Леонтьев // Там же. — Кн. 2. — С. 183.

¹¹ Там же. — С. 185.

¹² **Фудель С.И.** Наследство Достоевского. — М., 1998. — С. 153.

¹³ **Фетисенко О.Л.** К истории восприятия Пушкинской речи (Достоевский в неизданной переписке К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова) // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб., 2001. — Т. 16. — С. 330–342.

¹⁴ **Козловский Л.С.** Мечты о Царьграде (Достоевский и Леонтьев) // Голос минувшего. — 1915. — № 2, 11.

¹⁵ Там же. — № 2. — С. 105.

¹⁶ Там же. — С. 109.

¹⁷ Там же. — С. 116.

¹⁸ **Козловский Л.С.** Указ. соч. // Голос минувшего. — № 11. — С. 71.

¹⁹ **Рабкина Н.А.** Указ. соч. — С. 321.

²⁰ Там же. — С. 325.

²¹ **Бочаров С.Г.** Леонтьев и Достоевский. — С. 170.

²² **Котельников В.А.** Православные подвижники и русская литература. — М., 2002. — С. 304.

²³ **Бочаров С.Г.** Леонтьев и Достоевский. — С. 373.

²⁴ **Аггеев К.** Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. — Киев, 1909. — С. 193.

²⁵ Достоевский и К. Леонтьев: дискуссия в «Вольфиле» / Предисловие, публикация и комментарии **А.В. Лаврова** // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб., 2000. — Т. 15. — С. 417–423.

²⁶ Там же. — С. 421.

²⁷ Там же. — С. 443.

²⁸ Там же. — С. 454.

²⁹ **Бочаров С.Г.** Леонтьев и Достоевский. — С. 389.

³⁰ **Дм. Григорьев (прот.).** Преп. Амвросий и старец Зосима Достоевского: (У истоков религиозно-философских взглядов писателя) // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб., 2001. — Т. 16. — С. 162–163.

³¹ **Пращерук Н.В.** К. Леонтьев и Ф. Достоевский: Спор о христианском идеале // Ф.М. Достоевский и национальная культура. — Челябинск. 1996. — Вып. 2. — С. 142–163.

³² **Фудель С.И.** Наследство Достоевского. — М., 1998. — С. 98.

³³ **Аггеев К.** Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. — С. 151.

³⁴ **Пращерук Н.В.** К. Леонтьев и Ф. Достоевский: Спор о христианском

идеале. — С. 160–161.

³⁵ Там же. — С. 160.

³⁶ Там же. — С. 159.

³⁷ **Бочаров С.Г.** Леонтьев и Достоевский. — С. 392.